

АКСИОМАТИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ

© 2014

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, профессор, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, e-mail: info@ru-research.ru

Статья посвящена аксиоматизации социологии, важной предпосылке ее институализации как науки. За основу взяты семь постулатов, составляющих свойства любого социологического объекта. Показана необходимость сочетания формальной и диалектической логики в социологической гносеологии, плодотворность использования концепции общественно-экономических формаций для построения базовых категориальных моделей социологии на уровне и с учетом развития цивилизаций.

Ключевые слова: аксиоматизация ♦ цивилизация ♦ общественно-экономические формации ♦ социология.

Присутствие в СССР в 1970–1980-х годах в академической науке и в практике вузовского преподавания общественных наук трех смежных предметов – исторического материализма, научного коммунизма и прикладной социологии – стимулировало обществоведов к поиску, если и не однозначно научного, то хотя бы конвенционального решения вопроса об их соотношении. В среде советских обществоведов развернулась дискуссия о структуре социологической науки, по итогам которой было принято конвенциональное решение о признании правомерности «автономного» существования трех иерархически соподчиненных уровней социологии как науки об обществе [1]. Исторический материализм был признан общефилософским (методологическим) уровнем социальной теории; научный коммунизм – теорией единой общественно-экономической формации, завершающей процесс цивилизационного развития; прикладной социологии досталась в теоретическом плане институциональная, в практическом – эмпирическая форма познания социальных процессов, опирающаяся на структурно-функциональную модель социальных институтов и социальную статистику¹. Трехуровневый подход к структурированию социологии в целом приемлем, если признать, что гносеологические объекты этих уровней различаются. Противоречие имеет место только в соотношении первого и второго уровней, которые, если строго придерживаться марксистской теории смены общественно-экономических формаций, эквивалентны и различаются только тем, что исторический материализм отображает динамику развития цивилизаций, а научный коммунизм – завершающую стадию этого развития, как итоговый «статический срез» всех этапов развития цивилизаций². Это сложная структура научного познания, однако она отражает стремление обществоведов к созданию целостной методологии социальной науки.

В гносеологических концепциях западных ученых социальные теории, равно как и психология, биология, медицина..., говоря обобщенно – теории динамических, эволюционирующих объектов не считаются наукой. Связано это с конвенцией о том, что наука может строиться только как аксиоматизируемая теория, строго подчиняющаяся формальной логике (однозначной причинно-следственной связи). Это отнюдь не значит, что естественнонаучные модели, построенные при помощи формальной логики, полностью лишены конвенциональности. Например, математическое исчисление может строиться по двоичному или

десятичному основанию (и по иным основаниям тоже); в физике за начальную (нулевую) точку градуирования шкалы температур можно принять или момент кипения, или момент замерзания воды (или моменты изменения агрегатного состояния любого иного вещества)³. Полнота принятой системы аксиом гарантирует эквивалентность моделей и этого достаточно для достоверного прогноза. Данный вывод верен, несмотря на то, что на стадии аксиом формальная логика находится в противоречии сама с собой. Например, принимая аксиоматическое определение точки как геометрической фигуры не имеющей размерности, мы «не замечаем» противоречие: геометрическая фигура – существующее, а то, что не имеет размера – несуществующее. Для диалектической логики такое противоречие не только приемлемо, но является естественным. Формальная логика разрешает это противоречие не путем доказательства, а ссылкой на «очевидность», то есть на опыт общественного мнения. Именно такой прием используется в современной социологии, опирающейся на формальную логику при построении теории. За аксиому принимается некое утверждение научного или политического авторитета, позиция авторитетного (чаще политического) социального института, те или иные исторические аналогии, в результате чего последовательные противоречия при построении любой социологической теории преодолеваются при помощи многочисленных ссылок на очередной авторитет, как бы снимающий противоречие и позволяющий продолжить «логически верное» рассуждение.

Сказанного достаточно, чтобы сделать вывод: если считать формальную логику единственной, адекватно отображающей закономерности природы (естественной и социальной) и по этой причине, на базе которой только и могут строиться научные теории, тогда придется заключить, что социальная наука органически вписывается не более, чем в модели, основанные на мифологемах. Такой вывод напрашивается и в том случае, когда речь идет о важной функции естественнонаучных формально-логических моделей – достоверности строящихся на их основе прогнозов.

Смысл любой информации – ориентация на правильный выбор, любого познания – возможность предвидеть. Если познание не гарантирует построения прогностической модели, оно не более, чем созерцание. Любая естественнонаучная формула, например, соотношения скорости, пути и времени, есть прогностическая модель: мы можем предсказать, какая нужна скорость для того, чтобы определенный путь пройти за определенное время. Подобные модели строятся на основе формальной логики, почему и называются научными, а результаты прогноза (расчета) по ним – достоверными. Это отнюдь не означает, что все иные формы предвидения необъективны. Они ненаучны (согласно конвенции), но лишь потому, что строятся не по формально-логической модели, доминирующей в нынешней цивилизации, а по моделям иных форм сознания: мистической, мифологической, теологической. Но есть и иной взгляд на науку, как на мировоззрение, и в этом аспекте, согласно позиции представителей венской школы философов науки [2] все интеллектуальные формы отображения природы и социальных отношений эквивалентны: *и мистическая, и мифологическая, и теологическая, и формальная, и диалектическая*. С позиции познания и теории информации эквивалентность здесь заключается в том, что *построенные на этих формах мировоззрения модели в истории цивилизаций оказались достаточными как для выживания, так и для прогресса человечества*.

Формально-логические модели прогноза, хотя и считаются научными, сами по себе статичны и ограничены в своих прогностических возможностях. Ограничение возникает тогда, когда формально-логический прогноз пытаются применить к динамическим моделям, каковыми являются все живые организмы и социальная жизнь. Предположим, что мы решили рассчитать, каким будет вес гусеницы через месяц, если в начальный момент измерения она весит 2 грамма и ежедневно ее вес прирастает на 2 %. На основании расчета кумулятивного процента получим величину примерно 3,5 гр, за месяц гусеница станет

по весу почти в 2 раза больше. Математически все верно, однако через месяц на ветке вместо гусеницы будет сидеть бабочка, объект прогноза исчезнет. Этот пример иллюстрирует те ограничения во времени, которые характерны для прогноза динамического объекта.

Метаморфозы по принципу «гусеница-бабочка» в социальной жизни происходят повсеместно по причине нормативности воспринимаемых массовым сознанием социальных фактов. Социальные факты объективны по своей сути, в длительном историческом периоде проявляясь как действие закономерности, однако субъективны по форме. Сама форма, используемая в прогностических моделях социологии в качестве эмпирических индикаторов, вариативна, меняется совместно с социальными институтами и временной лаг ее существования относительно невелик. Длительность существования тех или иных социальных фактов predeterminedена устойчивостью господствующих социальных отношений, изменение которых может носить институциональный характер. Например, в 1985 г. мог быть построен вполне объективный прогноз функционирования в СССР коммунистической партии на ближайшие 20 лет, однако менее, чем через 10 лет произошла трансформация государства и вместо прогнозирувавшейся «возрастающей роли КПСС» наступил процесс увядания партии. Подчеркнем, государство не исчезло, его исторический «рок» еще не наступил, оно просто сменило форму, но это привело к автоматической замене формы политических институтов по выбору людей.

Вариация даже демографического прогноза порой зависит от нормативных инициатив государства. Например, Росстат регулярно осуществляет перспективный прогноз численности населения на период до 20 лет. Но после принятия государством стимулирующих мер в течение 3–4-х лет происходит всплеск рождаемости и прежний прогноз приходится корректировать.

Прогноз в опоре на динамические модели социологии очень сложный, на длительную перспективу возможен в основном на уровне развития цивилизаций и носит не математический, то есть формально-логический, а категориальный (вербальный), диалектический характер.

Подобные проблемы прогноза на уровне глобальных теорий имеют место и в естественных науках, как свидетельство наличия ограничений в возможностях формальной логики строить гносеологические модели. Не случайно в последние четверть века стали усиливаться сомнения в дальнейшем познавательном потенциале парадигматической науки⁴, которые, кстати, возникли еще в начале прошлого века⁵.

Все гносеологические проблемы социологии, вытекающие из динамичности объекта, заключаются в необходимости найти точки соприкосновения формальной и диалектической логики. Повседневная практика социального взаимодействия, управления, координирования требует построения в социологии формально-логических моделей для формирования *социальной статистики*. Однако это сужает познавательную модель по причине использования нормативных индикаторов анализируемого социального сообщества, в результате чего выводы, основанные на результатах исследования, актуальны в основном для данного объекта и не вызывают особого интереса у исследователей иных сообществ. В таком случае обмен знаниями может быть полезен в основном в области институциональных моделей и методов эмпирического исследования. Экстраполировать частные эмпирические сведения, пусть даже статистического характера, на глобальное человеческое сообщество чаще всего неправомерно, а если и возможно, то их актуальность будет распространяться на короткий временной лаг.

Наличие большого числа методологических проблем в социологической гносеологии приводит к выводу о господстве экстенсивной стадии этой науки, начавшей путь своего становления одной из последних, однако, по мнению Конта, являющейся по характеру интегративной и в итоге призванной вобрать в себя все науки. Запаздывание теоретической

систематизации социологии не есть сугубо ее специфика, оно характерно для всех наук, ибо науки вначале проходят экстенсивную (кумулятивную) стадию своего развития и только после накопления достаточного количества знаний обретают системность, и то, при доказательстве полноты аксиом⁶.

В отличие от принятого в естественных науках, назовем аксиомы, лежащие в основе теории социологии, постулатами, этим самым сохраняя некоторый оттенок субъективности.

Постулат первый.

Объект социологии по своей структуре амбивалентен. Этот постулат указывает на диалектический источник динамики (эволюции) объекта социологии как результат взаимодействия двух противоположных сторон целого. Идея амбивалентности социальных объектов не нова, в отношении индивида, как объекта психологической гносеологии, она стала центральной в теории Зигмунда Фрейда [3].

Утилитарные примеры для социологии: понятие пролетариат теряет смысл без понятия капиталист, понятие законность – без понятия девиация, понятие демократия – без понятия авторитаризм, понятие обогащение – без понятия отчуждение и т.д. **В социологической науке не может быть ценностной дифференциации явлений как противоположных частей объекта, они равнозначны и составляют органические элементы социального объекта как целого и только их взаимодействие образует источник динамизма, развития объекта.** Любой из этих элементов может быть изучен в отдельности в прикладном аспекте (в статике) и в этом случае социология прибегает к формально-логическим моделям, как инструмент *диагностики причин и характера дисфункции структурных элементов социального института* (политики, права, образовании и др.), тем самым выполняя нормативную (оценочную) функцию в форме обеспечения органов управления, политических партий и др. оперативной социальной статистикой.

В социологической теории не может быть «диагностики», есть просто познание и оно объективно в целом, по своей сущности лишено нормативности или субъективности, за исключением модели, как формы гносеологии⁷.

Постулат второй.

Предметом социологии является социальное отношение как форма разрешения противоречия двух противоположных органических составляющих объекта. Для социологии отношение означает движение, динамику, экстенсивное приращение, но не собственно объекта как независимой формы, а развитие объекта через приращение свойств и качеств, которые в социологическом познании в теории среднего уровня и в эмпирическом исследовании используются как индикаторы.

Этот постулат един для социологии и естественных наук (здесь используется понятие соотнесения) и выражает универсальное правило познания. Без соотнесения нет квантификации и в естественных науках. Например, не существует в вещественной форме такого гносеологического понятия, как *длина*, она может быть только результатом соотнесения физического объекта с некоторой конвенциональной шкалой измерения; понятие *черный цвет* имеет смысл только при наличии цвета белого и т.д.

Постулат третий.

Вещественной предпосылкой зарождения социальных отношений (в последующем – предмета социологической науки), является *прибавочный продукт* как воплощение производства и присвоения на уровне общества, труда и потребления на уровне индивида.

Прибавочный продукт есть результат расширенного воспроизводства, основанного на общественном разделении труда (теоретически), так как при простом производстве (нерентабельном труде) имеет место автономное потребление, не генерирующее социальных отношений. Сам процесс производства и в целом производственные отношения признаются (конвенционально) предметом экономической науки, ибо не затрагивают глубоко харак-

тер распределения и потребления, чужды понятию компромисса и меновых отношений как формы компромисса⁸. Чтобы продемонстрировать логику источника онтогенеза социальных отношений на стадии их зарождения обратимся к упрощенной графической модели (рис. 1).

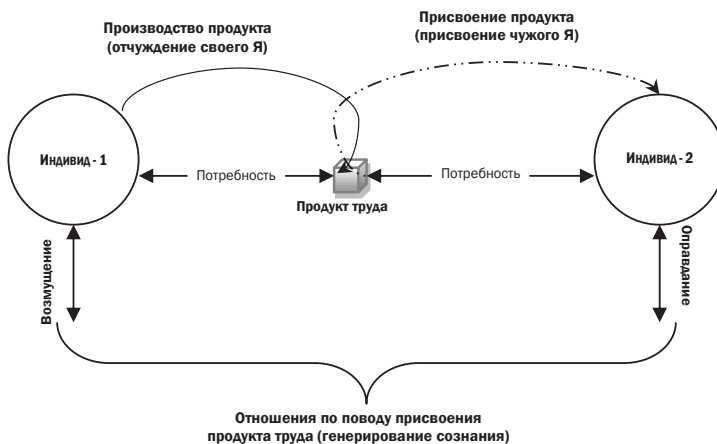

Рис. 1. Аналоговая модель зарождения распределительных отношений (и генерирования сознания).

Интерпретация рисунка 1. Процесс труда есть одновременно отчуждение индивидом своего Я, то есть идентификация воспринятой индивидом в своих ощущениях внутренне аморфной естественной потребности с некоторой вещью, как внешней формой этой потребности (проще говоря – происходит вещественное «оформление» потребности). Отчуждение продукта труда другим индивидом воспринимается первым как попытка лишить его своего Я, что вызывает *возмущение*, а у присваивающего – *оправдание*. На этой основе генерируется процесс *взаимоотношения*, который по необходимости (выживания) стимулирует стороны к поиску компромисса, в итоге трансформирующегося в «компенсаторные» *меновые отношения*. Эти отношения одновременно есть коммуникация, из чего следует, что в основе онтогенеза социальной коммуникации лежит понятие *аргументации*, в последующем вуалируемое трансформацией межличностной коммуникации в массовую коммуникацию за счет общественного разделения ее функции.

Эмоционально возбужденное столкновение двух индивидов по поводу присвоения продукта как овеществленной формы идентичных потребностей – «возмущение», с одной стороны и «оправдание», с другой стороны, – есть генератор сознания. Основной вывод: *любые социальные отношения могут быть только овеществленными*, то есть какие бы индивиды, группы, социальные слои или классы не были включены во взаимные отношения, между ними всегда находится овеществленный объект как предмет интереса конкурирующих или солидаризирующихся сторон. *Эти интересы всегда экономические и с позиции социологии генерируются по поводу принципов распределения, которые в общественной жизни вуалированы производственными отношениями, точнее, общественным разделением труда*⁹.

Постулат четвертый.

Форма социальных отношений – социальные институты, как необходимый механизм реализации распределительных отношений и только их. Итак, социальные институты – это отношения, то есть не материализованные органы власти, а политика, не законодательные органы, а право, не семья, а ролевые функции. Только таким образом можно выразить взаимо-

действие противоположных составляющих социального объекта в единстве, равно как только через категории, выражающие отношения противоположностей, имеется возможность осуществить анализ онтогенеза социального объекта от его зарождения, через смены форм и до завершения развития.

Эта проблема очень важная для социологии, поэтому будет нелишне ее проиллюстрировать на примере социологии молодежи, в построении теории которой встречается большое число противоречий по причине попытки со стороны ряда обществоведов анализировать молодежь как автономный объект, а не как активный субъект межпоколенческих отношений.

В социологическом понимании демографический критерий не является основополагающим в определении молодежи, он используется только для выделения возрастных границ объекта анализа и то, на уровне обыденного сознания. Параметры возрастных границ предопределены «ломаной» *замещения молодым поколением старшего поколения в процессе воспроизводства социальной структуры*. Молодежь до начала профессиональной ориентации, а старшее поколение после выхода на пенсию индифферентны в отношении к социальной структуре, т.к. первые ещё не определились в направлении своего давления на социальную структуру (профессиональное самоопределение), будучи аморфной массой, называемой «детьми и подростками», а вторые лишившись ролевой функции в общественном разделении труда образуют аморфную массу «геронтов». Поэтому категория «молодежь» как предмет социологии есть результат отношения двух больших групп: с одной стороны, той части молодого поколения, которая включена в процесс профессионального становления и, как правило, проходит обучение в учреждениях профессионального образования, с другой стороны, той части экономически активного населения, которая занята в производственной и непроизводственной сферах. Именно эти две поколенческие группы, первая из которых призвана заместить вторую, перманентно находятся в состоянии противоречия, а порой и конфликта.

Из сказанного следует, что молодежь в социологическом понимании – это не биологический, а *социальный субъект* и его возрастные границы исторически изменяются: в архаичных и экономически менее развитых обществах они относительно узкие, в экономически развитых обществах – более широкие. Этим объясняется то, почему в социологии нет фиксированной возрастной границы молодежи, ни нижней, ни верхней, ни в рамках общества как глобального образования, если говорить о международном разделении труда, ни в рамках отдельно взятого государства. Нижняя граница вступления в брак, обретения трудовых обязанностей, уголовного преследования может различаться в разных государствах, а что касается аморфности верхней границы, то, например, для молодой научной интеллигенции в России она определяется показателем 36 лет. Поэтому в социологии возрастные границы молодежи определяются как *временной интервал бесконфликтной ротации трудоспособного населения как экономически рентабельный период производственной деятельности поколения*¹⁰.

Молодежь может выступать в качестве объекта социологического анализа только как фактический или потенциальный субъект всех социальных отношений, реализуемых в форме ролевых функций в социальных институтах. Без соотнесения двух конкурирующих элементов социальной структуры: монополиста распределительных отношений – старшего поколения, с одной стороны, и стремящегося овладеть этим монопольным положением молодого поколения, с другой стороны, понятие молодежь не имеет научного смысла. Сегодня часто встречающееся в социологии выделение молодежи только как демографической группы имеет не более, чем идеологическое содержание, используемое в качестве критерия «табу» (запрета) или же показателя границ, ранее которых эта группа не может претендовать на полноценное участие в распределительных отношениях и должна находиться в роли иждивенца или полуживденца (трудности карьерного роста, трудоустройства, сегрегация в оплате труда, наследовании, участии во власти, потреблении «запретного» продукта...).

Определение молодежи как предмета социологии должно быть следующим: молодежь – это научная категория для обозначения процесса воспроизводства распределительных отношений в своей всеобъемлющей определенности последних. В более утилитарном смысле это означает процесс возрождения общественных отношений от стадии зарождения (биологическая стадия), формирования (социализация) и функционирования (закрепление ролевого статуса в общественном разделении труда). Во всех иных отношениях молодежь есть предмет анализа других наук (психологии, социальной психологии, медицины...).

Подведем итог: **социологическое понятие «молодежь» есть производная от противоречия между поколениями, возникающего как результат усилий молодого поколения путем воспроизводства социальной структуры вытеснить экономически активное население из господствующих распределительных отношений.**

Постулат пятый.

Социальные институты соотносятся не иерархически, а рядоположенно (горизонтально) и в этом аспекте:

- 1) по своим функциям эквивалентны;
- 2) в качестве стержневого предназначения призваны реализовать распределительные отношения (и только таковые);
- 3) посему в массовом сознании воспринимаются не иначе, как в форме этических отношений, варьирующих в соответствии с вещественными формами социальных институтов;
- 4) в массовом сознании все функции (механизм реализации) социальных институтов воспринимаются оценочно, при этом оценки, как основанная на интересах селективная функция, преимущественно реализуются подсознательно.

Этим объясняется тот факт, что в современной эмпирической социологии используются в основном оценочные шкалы, хотя часто интерпретация полученных при их помощи результатов осуществляется как показателей, лишенных субъективности. Это проблема незавершенности разработки теорий среднего уровня (социальных институтов) и неумения вскрыть латентные мотивы массовых суждений и оценок. Речи не идет об уколе в адрес исследователей, работающих в прикладной социологии, ведь до сего времени не решены многие вопросы на уровне общей теории. Например, Э. Дюркгейм выделяет в качестве самостоятельных направлений теории среднего уровня социологию религии, морали, права, экономики, лингвистики, эстетики [4, с. 279]. Однако мораль и право – это разные цивилизационные формы одних и тех же регулятивных отношений. Религия – одна из форм теологического сознания, эстетика – форма мистического сознания. Лингвистику следует отнести к коммуникации. В перечисленных отраслях социологии нет системы и автономности. З. Фрейд вслед за В. Вундтом и Э. Тайлором выделяет в гносеологии всего три формы сознания («миросозерцания»): анимистическое, религиозное, научное [3, с. 128]. Из этого ряда выпали две формы сознания – мифологическое и диалектическое, а вместе с ними и характерные для соответствующих стадий цивилизации формы социальных институтов.

Не будет преувеличением утверждать, что точное количество социальных институтов определить сегодня трудно. Проблема не в том, что их нельзя пересчитать, перебирая различные формы распределительных отношений, а в том, что часто формы одного и того же социального института в разных цивилизациях имеют различный «облик», но при этом сохраняют свою органическую функцию реализации распределительных отношений, по какой причине воспринимаются исследователями как автономные социальные институты.

Для примера обратимся к спорту. По форме реализации своих функций спорт напоминает принцип функционирования образования в первобытном обществе, – «делай как я» – то есть подражание с элементами конкуренции (по нынешним понятиям соревновательности). Конечно, сегодня это не активная форма образования, скорее «наблюдательная», но с активным эмоциональным соучастием всех акторов. И хотя в спорте реализуются

в том числе распределительные отношения, он не является самостоятельным социальным институтом, а скорее измененной (имитационной) формой социального института «образование». Говоря о форме имитации любой вид спорта, совместно со зрителями, правомерно представить как охоту первобытного племени (например, погоню за «дичью» в виде символа последней – мяча, если говорить о футболе) совместно с наблюдающим (сейчас только подражающим в форме сопереживания) «молодняком». Сидящее на трибунах «племя» ликует, когда мяч («дичь») попадает к «соплеменникам» – ведь в их подсознании это символ будущего «насыщения и выживания». И готово устроить оргию, когда мяч попадает в сетку противника. На первый взгляд налицо противоречие: ликуют, когда мяч у «соплеменников», и также ликуют, когда мяч «брошен» (в ворота) соперничающему «племени». Это противоречие снимается, если обратиться к поведению приматов. В зоопарке можно наблюдать такую картину: доминирующий самец-бабуин, даже когда сыт, отнимает у других обезьян еду, выжидает немного времени, потом презрительно бросает еду, как подаяние, обезьянам, находящимся в низшей «табели о рангах», то есть налицо унижение властью. Такое же унижение символизирует забрасывание («дарение») мяча в ворота противника.

Аналогичный пример вуалирования содержания формой – раздражающее многих массовое настенное «художество», наблюдаемое практически во всех городах мира. Это «творчество» часто пытаются представить как некую форму удовлетворения эстетических потребностей индивида. В действительности это ничто иное, как реализация неудовлетворенных властных устремлений в форме мечения территории: «это мое, и это мое, и это мое...». Животные данную процедуру производят иначе, человек же для реализации этой примитивной функции прикрывается потребностью «художественного самовыражения».

Приведенные примеры соответствуют фрейдовским моделям мотивации поведения индивида в состоянии невроза, однако, анализируя истоки тотема и табу в первобытном обществе, Фрейд приходит к выводу о правомерности распространения психоаналитических моделей на массовую психологию первобытных сообществ, как мотивацию поведения масс. Сохранившийся в генетической памяти природный позыв в форме «цивилизованного атавизма» масс (причем широких) по сей день дает о себе знать. Мировые войны и концентрационные лагеря XX в. отнюдь не исчерпывают перечень доказательств этого.

Для социологии, по крайней мере, в контексте данной статьи, проиллюстрированный подход к анализу мотивации массового поведения важен не столько в аспекте объяснения последнего, сколько для определения соподчиненности социальных институтов и выявления точного числа автономных доминирующих *рядоположенных* форм, каждая из которых в своей цивилизационной эволюции обретает не менее пяти собственных форм (включая будущую итоговую), соотносящихся *иерархически*.

Постулат шестой.

Направление социального развития характеризуется стадиями цивилизации, дифференциация исторических форм которой удобна в опоре на предложенную К. Марксом категорию общественно-экономической формации.

Невозможно социологическую теорию ограничить узким объектом в виде отдельных социальных групп, государств, регионов. Это лишь части человеческого сообщества. Анализ частей плодотворен в опоре на метод структурно-функционального анализа, однако их истинная роль в развитии цивилизации не может быть понята без ретроспективного анализа эволюции самой цивилизации. В структурно-функциональном анализе применимы правила формальной логики, а при анализе эволюции цивилизаций необходима диалектическая логика.

Проблематика исторических формаций разбросана в трудах Маркса отдельными «мазками», в составе иных, чаще всего экономических текстов, и эти «мазки» марксистские обществоведы «выуживали» и попытались объединить в систему. Первоначально Маркс исходил из Гегелевской триадной периодизации цивилизаций: *элинская, постэлинская*

цивилизация и все, что было до эллинизма – варварство. Этой же периодизации придерживались А. Тойнби и С. Хаттингтон [5]. В последующем, анализируя индийское и китайское общества, Маркс понял, что гегелевская градация этапов цивилизации гносеологически ограничена и в той стадии, от которой Гегель отмахнулся как от варварства, имеются свои самостоятельные формы экономических и социальных отношений. Для начала Маркс выделил эту стадию как *азиатский способ производства*, но дальнейшую дифференциацию не осуществил, полностью погрузившись в экономический анализ капиталистической формации¹¹. То, что обществоведам удалось синтезировать из научных работ Маркса, заключается в пяти общественно-экономических формациях: *первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая*¹².

Правомерность выделения пяти формаций для социальной гносеологии доказал венгерский обществовед Ференц Текэи обосновав расширение действия диалектического закона отрицания отрицания с триады на пять последовательных событий¹³. Концепция азиатского способа производства породила среди обществоведов стран мира дискуссию, которая с особой силой развернулась на международных конференциях в 1936 г. в Москве и в 1966 г. в Париже. Не найдя удовлетворительного ответа на вопрос об исторической роли азиатского способа производства ряд марксистских обществоведов предложили считать его шестой общественно-экономической формацией. Было много иных нелогичностей: идентификация, вслед за Марксом, классической формы феодализма с германской социально-политической системой, рабовладения – с системой древней Греции и древнего Рима, сводя понятие рабовладение к примитивному понятию индивида, лишенного физической свободы, и т.д.

Некоторые из названных проблем решаются просто, некоторые требуют ломки стереотипов, укоренившихся в общественной науке. Так, причиной путаницы с рабовладельческой формацией была подмена экономических категорий социальными понятиями, чаще – на уровне обыденного сознания или идеологии. Под понятием раб в теории цивилизаций действительно имеется в виду индивид как основное орудие производства (экономическая категория), но выполняющий не принудительный, а добровольный труд. Да и важна здесь была не форма труда, а социальное восприятие господствующих распределительных отношений. Зададимся вопросом: «С какой социальной моделью можно соотнести ситуацию, когда результаты труда индивида, являющегося основным производителем, распределяются в том числе среди иждивенцев, но это считается социально справедливым и не вызывает возмущения у работника?»¹⁴. Естественно – с семьей. Следовательно, азиатский способ производства восточных народов (классический пример – древний Китай) и есть рабовладельческая общественно-экономическая формация, реализованная в семейно-родовой общине. Кстати, именно в восточной родовой «семье» сформировались основные понятия «семейного родства», но означали они не кровное родство, а социальный статус относительно трудовых обязанностей и право на долю в распределении прибавочного продукта, т.е. место в общественном разделении труда. Первая форма семьи в современном понимании – патриархальная – сформировалась у индоидных народов, трансформировав экономический смысл понятий родовой «семьи» в социальный смысл для обозначения кровного родства¹⁵.

Не углубляясь в детализацию иных проблем теории общественно-экономических формаций, выделим один из наиболее важных аспектов обоснованности их числа. Пять – это пять рас, именно они являются генетической основой пяти исторических форм цивилизации и ими же порождены, т.е. творя цивилизацию, расы творили сами себя. Не вдаваясь в споры расовых теорий¹⁶ назовем пять рас, из которых состоит человечество: *негроидная, монголоидная, индоидная, семитская, славянская*. Будучи на заре человечества единственной общностью негроиды не могли классифицироваться как раса, так как их не было с кем

соотнести. Являясь замыкающей, славянская «раса» выступает в качестве интегрирующей (по мнению автора – ассимилирующей), и посему в истории не будет обладать автономной расовой ролью. Поэтому первая и последняя расы имеют сугубо гносеологическое значение, но без них построение категориальных моделей невозможно, ибо модель будет неполной. И эта вспомогательная роль первой и последней категорий присутствует в любой категориальной модели, построенной в опоре на диалектическую логику.

Расы имеют свою структуру – *этническую, субэтническую, родовую, племенную* и учет этой структуры очень важен в социологии для объяснения большого класса социальных процессов. Сегодня в мире много явлений, не поддающихся прогнозу с позиции «официальной» социологии, в том числе связанные с эволюцией российской государственности. Например, все еще много дискуссий в научных кругах о том, где начало и каково продолжение России, был ли СССР Россией или неким гибридным образованием, а если он не был Россией, то в чем выражалась в этот период этническая идентичность русских и почему они с воодушевлением восприняли заимствованную идеологию, ими же в одночасье отвергнутую в начале 1990-х годов¹⁷? Далее, диаметрально противоположные цивилизационные формы (социализм – капитализм) в двух государственных образованиях одного и того же этноса (например, корейцы, ранее – немцы, вьетнамцы); вековая устойчивость пестроты землячеств при гражданской (экономической) сплоченности нации (США, Канада, Австралия); социальный бунт в арабских странах, в основе которого по форме конфессиональный, а по содержанию – этнический «след» и т.д. И это, не считая мировых войн XX в., в которых этнические лозунги были генераторами возврата этносов не просто к варварству, а к дикарству. Мотивация, звучащая в нынешней общественной науке по поводу перечисленных явлений неэффективна и эта «наука» не сможет сдвинуться с места до тех пор, пока в арсенал своих гносеологических инструментов не включит понятие расы и этноса¹⁸.

После шестого постулата можно сформулировать этапы построения моделей динамического объекта социологии:

1) формирование категориальной (динамической) модели социального института по стадиям цивилизации (общеметодологический уровень);

2) представление категорий в статике посредством структурно-функциональной модели социального института (теория среднего уровня);

3) выделение структурных элементов статической формы социального института в качестве понятий и их операционализация с использованием эмпирических индикаторов (процесс квантификации в прикладной социологии)¹⁹.

Не углубляясь в проблемы этногенеза²⁰, для примера приведем построение категориальной модели *девиации*.

Общепринятое сегодня определение звучит следующим образом: социология девиации – это наука о поведении индивида, в правовом или этическом плане не соответствующем общественным нормам. Стержень такого определения – отклоняющееся поведение индивида. С позиции науки недостаток такого определения заключается в его нормативности. Это означает, что в различных обществах одни и те же формы поведения могут рассцениваться и как девиантные, и как нормативные. Даже убийство может восприниматься общественным мнением или классифицироваться государственным законодательством как уголовное деяние, как юридически оправданное возмездие, как достойный восхищения и подражания героизм. С изменением норм общества меняются критерии девиации.

Согласно диалектике девиация – это *взаимоотношение поколений* (по поводу распределения). Результирующие этого поведения – *прогресс* и *регресс*, взаимно переходящие друг в друга. Мера прогресса (и регресса) – *стагнация* (равновесие), означающее устойчивое состояние той или иной исторической формы девиации в течение некоторого исторического периода.

Взаимоотношение поколений, включающее противоречие, есть источник, движущая сила социального прогресса или регресса. Прогресс (регресс) показывает направление развития отношений между поколениями в аспекте формирования социума (личности). В качестве механизма реализации и основного содержания взаимоотношения поколений выступают *распределительные отношения*, опосредованные общественным разделением труда.

Пяти историческим формам производственных отношений (общественно-экономическим формациям) соответствуют пять форм социальной девиации, порождаемых противоречиями между поколениями.

1. В племени индивид – основное средство производства, использующее только собственную мускульную энергию и примитивные орудия труда. Поэтому разделение труда носит псевдообщественный, преимущественно индивидуальный характер. Дифференцирован труд в основном по полу и возрасту. Рождение женщиной потомства рассматривается как «производство потенциального средства производства», а посему воспринимается как равноценное производству средств потребления, осуществляемого мужчиной (добытчиком). Идентификация с племенем обусловлена способностью индивида выполнять производственную функцию. Полноценное членство в общине для детей гарантировано их потенциальной производственной функцией (для мальчиков – как будущих добытчиков, для девочек – как будущих рожениц). *Конфликт имеет место только между молодым и старшим поколениями по поводу распределения, так как от этого зависит жизнеспособность племени.* Под молодым поколением в племени следует понимать женщин фертильного и мужчин трудоспособного возраста, под старшим поколением – женщин постфертильного и мужчин нетрудоспособного возраста.

Так как членство в племени определяется производственной функцией индивида, то потеря способности участвовать в производстве (для женщин – в рождении потомства, для мужчин – в охоте) одновременно означает отчуждение от племени и негласное «исключение» представителей старшего поколения из распределительных отношений. Форма разрешения этого противоречия между поколениями – **суицид** (самоубийство) представителей старшего поколения. Подобный «уход» из племени есть условие выживания самого племени как социальной общины и в этом, социальном, смысле – *прогресс*. В племени производительность труда настолько низка, что попытка прокормить ещё одну группу иждивенцев, наряду с детьми, означала бы верную гибель племени²¹.

С точки зрения развития социума *регрессивность* суицида старшего поколения заключается в торможении накопления интеллектуального (и генетического) опыта и культуры из-за ухода из жизни той части сообщества, которая уже не отягощена производственными функциями и могла бы посвятить себя развитию элементов культуры.

2. Стремление к выживанию приводит к утверждению в общине собирательства и приручения животных. В последующем эти виды труда обрели массовую систематизированную форму в виде земледелия и пастушества (животноводства). В этих видах деятельности успешно принимали участие представители старшего поколения как инициаторы и знатоки технологии, а также дети и женщины – как средство труда. Земледелие и пастушество требовали ограничения ареала жизнедеятельности племени, в последующем – его окончательного закрепления за племенем, что способствовало оседлости.

В условиях оседлости зарождается родовое сообщество, отличающееся тем, что в нём старшее поколение, будучи инициатором земледелия и животноводства, идентифицирует себя с территориальным ареалом как основным средством производства, занимая важное место в общественном разделении труда, тем самым обретая право на долю в прибавочном продукте. В социальной сфере формируется иерархия ролей, в которой старшее поколение занимает место в высшей иерархии как инициатор оседлого способа жизнедеятельности. Остальные члены родовой «семьи» выполняют функцию средства труда. Распредели-

тельные отношения отчуждаются от трудовых и посредством этики отождествляются с признаком «родства». Этика предписывает членам родовой «семьи» формы поведения и обязательства друг перед другом в зависимости от возраста и пола. Принадлежность к семейной общине обозначается *родовым именем* (в отличие от *тотема* в первобытном племени), например – Цинь, носители которого могли составлять общину в десятки тысяч человек.

Ограниченность территориального ареала жизнедеятельности и идентификация рас-пределительных отношений с «родством» сделали необходимым замыкание общины посредством запрета экзогамных и допущения только *эндогамных браков*²². Эндогамия в данном случае – это браки между членами родовой «семьи», к которым молодое поколение принуждается господствующими производственными отношениями. Форма разрешения этого противоречия и одновременно массовая девиация – **инцест**. В данном случае это понятие шире, чем кровный инцест между родственниками и означает доминирование эндогамных половых отношений между членами большого экономического сообщества (родовой «семьи»), обособленного посредством единого родового имени.

Прогресс эндогамии в условиях оседлой родовой «семьи» – устойчивость социальных отношений, накопление элементов культуры и развитие этических отношений в форме принципов «родственных» взаимоотношений, в последующем перерастающих в широкие институциональные отношения.

Регресс инцеста выражается в биологическом замыкании родовых «семей», их усиливающейся взаимной генетической изоляции за счёт постепенного эволюционирования в *этноты*, сужения избирательного действия принципа естественного отбора. В социальном плане происходит культурная самоизоляция этносов, приводящая к ограничению онтогенетического развития и межэтническому антагонизму.

3. Углубление общественного разделения труда, в том числе за счет развития орудий труда и расширения функций социальных институтов надстройки, способствует зарождению *кастового общества*. В каждой касте сохраняются патриархально-семейные формы распределительных отношений, гарантирующие исключительное право старшего поколения на собственность на средства производства. Наряду с патриархальностью внутри каст, выстраивается межкастовая иерархия производственных отношений, приобретающая институциональный характер и не допускающая межкастовой вертикальной мобильности. Во всех кастах (сословиях) собственником средств производства или институциональных функций выступает старшее поколение, а молодое, причем лишь его часть, обладает только перспективой наследования²³.

В целях снижения напряженности между поколениями, порожденной противоречием в производственных отношениях, противоречие «проецируется» старшим поколением на *межэтнический уровень*. Такой возможности способствует дистанцирование этносов, инстинктивно (скорее всего, генетически) не заинтересованных в совместном продолжении рода. Энергия молодого поколения направляется на межэтнический междоусобный конфликт, как правило, под патриотическими и религиозными (например, войны обедневших рыцарей-крестоносцев) лозунгами. Эти лозунги не меняют того факта, что основная «статистическая» причина таких войн – *стремление старшего поколения избавиться от конкурентов в лице молодого поколения*.

Форма разрешения межпоколенческого противоречия в условиях *феодализма*, иными словами, форма девиации – **убийство**. Это – убийство старшим поколением, под прикрытием идеологических лозунгов, *собственного молодого поколения* путём его стимулирования к войнам. Кульминация данной тенденции наблюдалась в XX в., изобиловавшем такими истребляющими войнами, которых цивилизация ранее не знала.

Неквалифицированный сельскохозяйственный труд в феодализме позволяет использовать в качестве рабочей силы женщин, детей и стариков, заменяя ими молодых мужчин.

Стимулирование старшим поколением массового убийства молодого поколения как девиация имеет *прогрессивную* социальную составляющую в форме межэтнического культурного обмена и межэтнической ассимиляции. Однако в нём содержится и *регресс*, выражающийся в биологической гибели народов и культур, *генетическом старении общества, подверженного массовым болезням и эпидемиям*. Сейчас мир находится на стадии завершения именно этой цивилизации.

4. Следующая стадия развития цивилизации – доминирование капитала, предельная индивидуализация общественного разделения труда. В таких условиях противоречие между поколениями в рамках производственных отношений становится латентным (неявным), поскольку индивидуализация и одновременно обобществление капитала в форме государственного патронажа (социального страхования и детей, и представителей преклонного возраста) создают у членов общества иллюзию социального равновесия и социальной справедливости. Наличие и характер противоречия наглядно проявляются в распределительных отношениях, в рамках которых *молодое поколение в массовом порядке отчуждает и результаты труда, и собственность* (включая собственность на средства производства) *старшего поколения*. В первом случае речь идёт о длительном периоде иждивенческого состояния молодого поколения в связи со сложным механизмом воспроизводства социальной структуры: длительность общего образования и профессионального становления, семейного и имущественного самоутверждения. Во втором – о стержневой роли в капиталистическом обществе *права наследования*. Это означает, что *какое бы место ни занимали представители старшего поколения в общественном разделении труда или в отношениях к собственности, все накопленное ими в течение жизни имущество и собственность наследуются молодым поколением*. Такое массовое отчуждение, порождающее противоречие между поколениями, есть девиация, выражающаяся в **воровстве** (используя экономическое понятие – в экспроприации)²⁴.

Прогресс этих отношений между поколениями заключается в интенсивном накоплении материальных и цивилизационных ценностей, значительно расширяющих общественные связи личности, ведущих к глобализации межэтнических связей за счёт унификации (глобализации) потребления (максимального присвоения продукта, создаваемого старшим поколением). Этот процесс становится интенсивным потому, что в рамках производственных отношений «дармовое» присвоение стимулирует молодое поколение идентифицировать себя с максимумом вещей²⁵, материального имущества и институциональных функций, символизирующих социальный статус личности. Он способствует динамическому интеллектуальному развитию личности путем ее включения в связи с максимумом референтных групп.

Регресс воровства состоит в том, что стимулируемое производственными и распределительными отношениями безграничное потребление приводит к крайне дробному разделению труда и прагматизации психологии личности, биологической деградации, нарушению экологического баланса, одним словом – *роботизации индивида*.

5. Суть будущих производственных отношений – приоритет воспроизводства потомства, решающая роль в котором будет принадлежать молодому поколению (прежде всего женщинам). Это воспроизводство будет лишено семейной формы²⁶ равно как и права семейной или личной собственности на потомство. *Материальное потребление потеряет свое качество быть ценностью; и общественное разделение труда, и институциональный (социальный) статус перестанут быть критериями распределительных отношений, а деньги, как универсальный эквивалент распределительных отношений, лишатся своей органической функции (их просто не будет)*. Высокотехнологичное производство потребует минимального участия индивидов (представителей как молодого, так и старшего поколений) в традиционном производственном процессе (материальном производстве). Доминирующим в нем

станет интеллектуальный потенциал, сам по себе не способный обрести ценностных функций, так как *вне рыночных отношений интеллектуальные способности не отчуждаются*. Для представителей старшего поколения это означает участие в интеллектуальном производстве, в том числе в форме обучения молодого поколения.

В распределительных отношениях равноценную значимость приобретут два процесса: с одной стороны, непосредственное участие молодого поколения в воспроизводстве потомства и материальном производстве, с другой стороны, *овеществленный интеллектуальный труд прошлых поколений*, лежащий в основе технологии производства, вещной и духовной культуры общества. *Монополией на овеществленный прошлый интеллектуальный труд будет обладать старшее поколение*, владеющее знаниями, а молодое поколение, находясь в процессе усвоения этих знаний (социализации), будет лишено такой возможности. Производственная идентификация старшего поколения, выражающаяся в номинальном присвоении овеществленных результатов прошлого (чужого) труда (и в виде передачи прошлых знаний молодому поколению, и в виде их использования для собственной интеллектуальной производственной деятельности), будет цикличной, ибо по истечении времени также станет делом стареющего молодого поколения.

Самоидентификация старшего поколения, для экономического «оправдания» своего полноценного участия в распределительных отношениях, с овеществленными результатами интеллектуального труда *прошлых поколений*, с позиции социальной есть девиация, которую уместно назвать **некрофилией**²⁷. В данном случае речь идёт о гносеологической категории, а не о нарицательном термине.

Прогресс такой формы разрешения противоречия поколений выражается в полной нейтрализации этого противоречия и завершении развития форм социальной девиации, а регресс (в социально-институциональном плане) – в разрушении институциональных механизмов социального развития, когда развитие личности будет подчиняться иным, неинституциональным законам.

Итак, в качестве полной системы имеем всего пять органических категорий девиации: *суицид, инцест, убийство, воровство, некрофилия*. Все иные формы девиации являются частными случаями перечисленных. Например, потребление наркотиков, алкоголизм и т.д. – формы суицида; бизнес – форма воровства (в обиходе называется кидальчеством) и т.д.²⁸

Перечисленные пять категорий девиации в своем статическом состоянии должны лежать в основе теории среднего уровня – девиации как социального института²⁹.

Постулат седьмой.

Цель общественного развития не цивилизация, а формирование социального типа личности как продукта цивилизации и, одновременно, доминантного генотипа соответствующей расы³⁰.

В этом случае цивилизацию следует рассматривать лишь как «оболочку» личности или механизм социализации. Следовательно, социология никогда не сможет сделать достоверный прогноз о перспективности направления развития общества исходя из самого общества, критерием этого может быть лишь *качество личности, заключающееся в ее перспективной жизнеспособности с позиции природы*. И наоборот, невозможно прогнозировать качество личности без достоверного знания социализирующих функций различных форм цивилизации. В гносеологии эти два подхода должны дополнять друг друга.

Механизм формирования личности процесс не однолинейный, так как структура взаимодействия индивида с обществом весьма сложная. По самой упрощенной модели можно выделить процесс становления индивида личностью, называемый *социализацией*, а также процесс самоутверждения личности в том или ином ролевом статусе – *самореализация*. В действительности и первый, и второй процессы делятся в течение всей жизни человека (рис. 2).

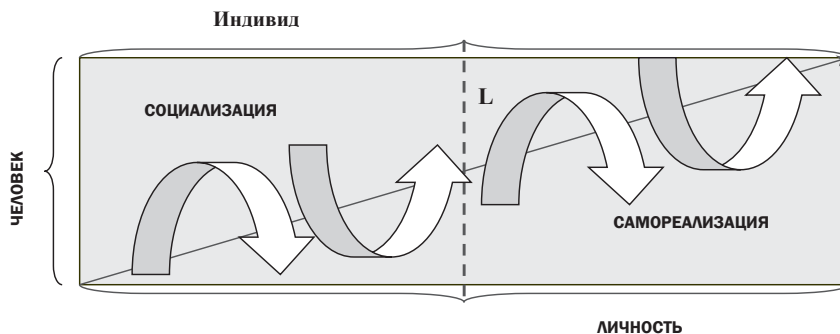

Рис. 2. Аналоговая модель социализации индивида и самореализации личности.

Интерпретация рисунка 2 тривиальна. Социальное становление человека делится на две составляющие (диагональ в прямоугольнике): вначале он преимущественно социально не оформленный индивид, потом (условно, после разделительной линии **L**), преимущественно социализированная личность. Содержание индивида – его биологический и генетический потенциал, характер социального формирования которого зависит от внешней географической и социальной среды (типа: если родился в африканской саванне – вероятно стать вождем племени, если в США – вероятно стать президентом государства). Содержание личности – совокупность общественных отношений, интервьюированных в форме знаний, ценностей и норм социального общежития.

Социализация человека длится всю жизнь, во времени все больше уступая место самореализации³¹.

Процесс, результатом которого является постепенное «перерождение» индивида в личность, происходит как бы вдоль диагонали, но не линейно, а по спирали, в «круговороте» и одновременно в движении вперед. Этот «круговорот» имеет сложную структуру. Первичная предпосылка научного анализа отношений общества и личности – их триадное структурирование: *материальная сфера* – способ производства на уровне общества и способ потребления на уровне личности, *социальная сфера* – распределительные отношения на уровне общества и ролевые на уровне личности; *духовная сфера* – идеология на уровне общества и мировосприятие на уровне личности. При этом структурная модель личности перевернута относительно структурной модели общества, наподобие того, как мозг переворачивает образы, воспринимаемые глазом (рис. 3).

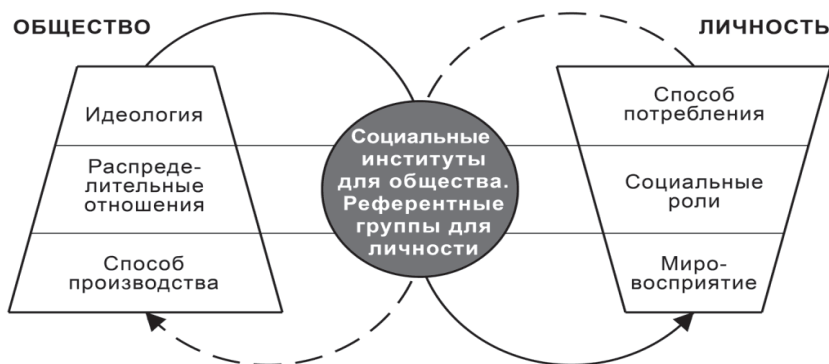

Рис. 3. Аналоговая модель статической структуры взаимодействия общества и личности.

Интерпретация аналоговой модели.

Общество: способ производства определяет характер распределительных отношений, а последние – вид оправдывающей их идеологии. Идеологией общественная пирамида завершается и начинается социализация личности («с головы», стрелка →). Идеология формирует мировосприятие личности. Включая идеалы и ценности, мировоззрение составляет мотивационную основу межличностной коммуникации в референтных группах (контактных или корпоративных). Характер коммуникации личности в референтных и корпоративных группах интегрируется в некий образ жизни, в целом идентичный способу, каким личность потребляет.

Личность: и далее начинается круговорот (стрелка – →): способ, каким потребляет личность, определяет характер развития производства, тем самым стимулируя или тормозя развитие производительных сил; это развитие (или торможение) влияет на характер распределительных отношений, а последние – на содержание идеологии (в зависимости от того, какие распределительные отношения надо оправдать, хвалим то социализм, то капитализм). И этот круговорот – как «белка в колесе» (рис. 2), а точкой опоры (или «коленным валом»), вокруг которой все «крутится», являются на уровне общества социальные институты, а на уровне личности референтные группы.

Не вдаваясь в детализацию процесса синтеза, приведем, в соответствии с рис. 3, триадную структуру социального типа личности в ее историческом становлении (табл.)³².

Таблица

Социальные типы личности в общественно-экономических формациях

Общественно-экономические формации	Способ потребления	Характер межличностных отношений	Мировоззрение
Первобытная	Потребительный	Отчужденный	Тотемизм
Рабовладельческая	Экономный	Этический	Мифология
Феодальная	Расточительный	Гедонистический	Религия
Капиталистическая	Накопительный	Индивидуалистический	Идеология
Коммунистическая	Рациональный	Экологический	Наука ³³

Это упрощенная, статическая модель. Динамическая модель предполагает объемную форму с набором ряда статических моделей в соответствии с числом социальных ролей, выполняемых личностью.

Что касается референтных групп, которые осуществляют «круговорот» пары личность ↔ общество, они несут на себе отпечаток истории, в каждый исторический период различаясь, как различается и их число сообразно развитию социальных институтов, ибо референтные группы суть органические составляющие структуры последних. Возьмем хотя бы такой, по своей функции устойчивый социальный институт, как семья: на разных этапах истории (да и в настоящее время) она была племенная, родовая, полигамная, моногамная... Кроме функциональных различий, исторически различно и число групп, референтных для личности. Изучая процесс социализации, социальные психологи чаще всего исходят из модели «одномерной личности» (модель дихотомической личности **Ты** есть зеркало **Я**). В действительности же личность – многомерная, у нее столько естественных обликов, во скольких референтных группах она выполняет социальные роли. Эту «многоликость» личности, при помощи аналоговой модели общества, состоящего из различных референтных групп (обозначены разными геометрическими фигурами) можно изобразить так (рис. 4).

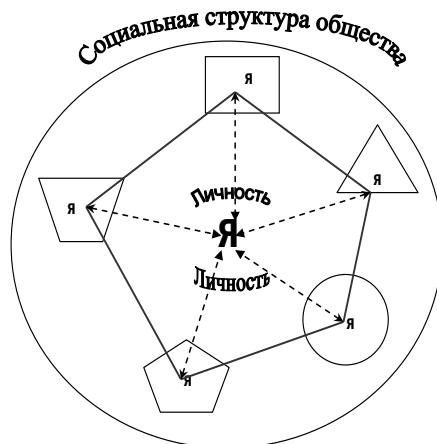

Рис. 4. Многополярность социального облика личности.

Референтные группы:

- ▱ – идентичность с семьей; □ – профессиональная идентичность;
 ○ – этническая идентичность; ⬠ – политическая идентичность;
 △ – конфессиональная идентичность.

По мере развития цивилизации личность входит во все большее число референтных групп. На рис. 4 изображена по социальному облику «пятиугольная» личность. Если референтных групп будет три, то по социальному облику личность будет «треугольная» и т.д.

Изложенная в статье концепция аксиоматизации социологии отнюдь не является завершенной системой, это скорее постановка проблемы в плане гносеологии методологического, концептуального и эмпирического уровней, иллюстрация объемности и сложности задач, стоящих перед социологией на пути ее признания как полноценной науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Мнение о том, что социология в своих методах должна опираться на социальную статистику, является основным принципом позитивизма (структурного функционализма) и методом современной прикладной социологии. В опоре на это положение строил свои гносеологические модели еще Эмиль Дюркгейм, считавший, что без социальной статистики научное познание общества неплототворно. См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996; Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Согласно марксистской концепции социальные институты всех предшествующих цивилизаций, в некоторой измененной форме, содержатся во всех последующих цивилизациях.
- Для научного измерения (квантификации) в прикладной и теоретической физике приняты ряд стандартов, среди которых наиболее широко применяются международная система единиц (СИ) и СГС, построенная на фундаментальных физических постоянных. См.: Сена Л.А. Единицы физических величин и их размерности. М.: «Наука», 1988. С. 7–8.
- Американский обозреватель в области развития науки Джон Хорган провел интервью с несколькими десятками самых известных ученых мира в разных отраслях науки, задавая всего один вопрос: исчерпан ли теоретико-познавательный потенциал современной науки? В большинстве случаев был получен утвердительный ответ. См.: Джон Хорган. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. Санкт-Петербург, Амфора / Эврика, 2001.

- ⁵ Физики-теоретики в конце XIX – начале XX века, по мере углубления теории ядерной структуры атома, стали высказывать мысль о том, что познавательные возможности физики исчерпаны, так как материя, будучи основным научным объектом физики, преобразуется в «чистую энергию», т.е. исчезает. В. Ленин этой проблеме посвятил отдельную книгу, критикуя за высказывание данной мысли известных физиков и философов Ф. Пуанкаре, Э. Маха, Ф.В. Оствальда и др. и аргументируя свою позицию тем, что не материя исчезает, а налицо ограниченность гносеологических моделей физики. См.: В.И. Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». ПСС. 5-е изд., т. 18, с. 326–327. Этот спор имеет старые истоки непримиримого конфликта между сторонниками идеализма и материализма по поводу того, что следует считать первичным – дух (идею, энергию) или материю. Для социологии в этом конфликте познавательно то, что спор о первичности в смысле бытия – схоластический (типа спора о первичности яйца или курицы). Проблема первичности актуальна только в аспекте удобства построения гносеологических моделей и этот принцип очень важен для социологической науки. Что касается абсолютизации в отдельности материи или энергии (согласно принятому в физике понятию), то этот спор бессмысленный, так как материя (неорганическая, органическая, социальная) есть форма энергии (в интерпретации философии марксизма – форма движения), посему они тождественны и одно без другого не существует, как, например, нет времени или движения без пространства. Дифференциация всех этих явлений возможна только как гносеологических статических понятий для естественных наук и категорий (динамических понятий) для социальных наук.
- ⁶ Например, полная аксиоматическая систематизация геометрии была осуществлена немецким математиком Давидом Гильбертом только в конце XIX в.
- ⁷ То, в каких формах человек, как биологическое существо, пусть даже разумное, может строить гносеологические модели, зависит от характера доминирующего общественного сознания, имеющихся в распоряжении исследователя измерительных и технических инструментов, дифференцирующих возможностей собственных органов чувств. См.: Фейерабенд П. Против метода. Очерки анархистской теории познания. М.: Хранитель, 2007.
- ⁸ В современной экономической теории признано, что для перспективного экономического прогноза необходимо учитывать вариацию потребностей масс, ибо без наличия потребности продукт не может стать даже потенциальным товаром. Учет в экономике доминантной роли потребностей как генератора экономического процесса носит отчасти стихийный, отчасти спекулятивный характер, преимущественно в форме функционирования бирж (кстати, в СССР он был менее стихийным и целевым образом учитывался в моделях «народнохозяйственного баланса», разработавшихся Госпланом), иногда – в форме индекса торгового баланса. Также используются технические инструменты массовой коммуникации для манипуляции потребностями масс (индустрия рекламы).
- ⁹ Постулат первичности экономического по отношению к социальному не нов, он пронизывает теорию марксизма.
- ¹⁰ Предложенное еще в середине 1970-х годов И. Коном определение молодежи как социально-демографической группы, выделяемой на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения, социально-психологическими свойствами, вполне приемлемо как инструментальный подход к выделению объекта эмпирического анализа, но не более того, иначе требуется строить социологию пенсионеров, социологию женщин и т.д.
- ¹¹ Кстати, эта формация не «свалилась с неба», у нее тоже был период становления: восточные монголоидные народы, прежде всего китайцы, создавшие первое (первичное) государство и которые ввели в оборот товарного мена единый эквивалент – деньги; древние Египет, Вавилон, Греция, Рим, Византия... – как предвестники промышленной формы капитализма с доминантой торгового капитала, но с законодательством, в последующем составившим регулятивную основу современного промышленного капитализма (в особенности римское право, включающее стержень современных капиталистических отношений – право наследования).
- ¹² Ни одному из названий в данном случае автор не придает идеологического значения и использует сугубо как введенные в оборот обществоведами гносеологические категории.

- ¹³ См.: Tókei F. A társadalmi formák marxista elméletének néhány kérdése. (Некоторые вопросы марксистской теории общественных формаций). Budapest: Kossuth, 1977. Гегель строго замыкал социальную гносеологию, опирающуюся на диалектическую логику, на триады, однако такое ограничение представляется необоснованным и правомерно предположить, что воплощенный в триадах закон отрицания отрицания «вплетен» в бесконечную цепь событий.
- ¹⁴ В экономической науке – состояние гармонии производительных сил и производственных отношений.
- ¹⁵ Эти гипотезы нашли довольно полное отражение, но не окончательное решение, в поздних работах К. Маркса и изложены Ф. Энгельсом в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (СПб.: «Азбука-Классика», 2009).
- ¹⁶ В современной антропологии принято различать три расы: негроидная, монголоидная, индоевропейская. В 1920-30-х годах появились расовые теории, выделявшие большое число рас основываясь на антропологической конституции (особенно форме черепа) людей (см.: Карлтон Стивен Кун. Расы Европы. М.: АСТ, Астрель, 2011; Ганс Гюнтер. Расология еврейского народа. М.: Сампо, 2010). Автор считает, что ограничение числа рас до трех является следствием идеологической «подтасовки» в этнологии и антропологии в XX веке, а многочисленность рас в научных работах ряда антропологов проистекает из смешения ими этносов и субэтносов и их возведения до уровня автономных рас. Вряд ли сегодня существует единый социальный критерий, и даже генетический, для однозначной дифференциации рас и неоспоримого доказательства их числа, однако представляется, что корреляция рас с историческими формами цивилизации позволяет однозначно констатировать их число и последовательность зарождения, по крайней мере, для гносеологических целей в социологии.
- ¹⁷ Вопрос, аналогичный звучавшим в трудах русского философа П. Чаадаева. Кстати, мало научности в рассуждениях ряда обществоведов и по поводу причин распада СССР, и о том, кто виноват... В советский период в политических образовательных учреждениях использовались в научном плане хорошо подготовленные учебники по теории колониализма и неоколониализма, как политической формы экстенсивной стадии развития капиталистической экономики... Целесообразно обратиться к этим учебникам и в научном плане схоластические споры лишатся почвы.
- ¹⁸ Сегодня в социальной теории должно господствовать осознание всеобщности действия на ближайшие 150–200 лет двух диаметрально противоположных тенденций, которые условно можно назвать центробежной и центростремительной. В первом случае речь идет о глобализации экономики и по этой причине – унификации образа жизни человечества, во втором, о всемирном процессе самоидентификации людей по этническому признаку в форме автономного замыкания последних.
- ¹⁹ После получения в прикладном социологическом исследовании эмпирической информации возникает задача ее синтеза в вербально обозначаемые показатели. Социологи сходятся во мнении, что инструментом такого синтеза, обратного процессу операционализации, является факторный анализ.
- ²⁰ В качестве примера анализа этногенеза государства см. раздел «Этногенез российской государственности» в книге автора «Социология политики. Прикладной аспект». ЦСП, М.: 2003, или одноименную статью на сайте: www.socioprognoz.ru.
- ²¹ Проблема старшего поколения в истории всегда имела место, и она актуальна по сей день, даже в экономически развитых государствах. Примеры же экономически обусловленных (вуалируемых ритуалом) самоубийств представителей старшего поколения имели место и в недавнем прошлом, например, добровольная смерть бездетных стариков-бурят во время засухи. См.: Трегубов Л.З., Вагин Ю.Р. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993.
- ²² См.: Ольдерогге Д.А. Эпигамия. Избранные статьи. М.: Наука, 1983, с. 11–21. Проблемы эндогамии и экзогамии подробно рассмотрены также в работах Л.Г. Моргана, Э.Б. Тейлора, К. Леви-Строса, Л.Я. Штернберга.
- ²³ Например, в Европе в Средние века юношей из высшего сословия, не имевших шансов наследовать, ждало поприще военного или священнослужителя, а девушек, если они не вышли замуж, – монастырь. Драматические судьбы дворян, по объективным причинам отчужденных от наследства, наглядно изображены в романах французского писателя Стендаля (Анри Бейля).
- ²⁴ Неслучайно все буржуазные революции, нацеленные на экспроприацию имущества и социального статуса, возглавлялись молодыми лидерами и делались руками молодых.

- ²⁵ В условиях капитализма основной принцип распределительных отношений – распределение по результатам труда, поэтому старшее поколение не в силах сократить материальное производство, наоборот, стимулируя всеобщую трудовую занятость, оно непомерно расширяет производство и «нагнетает» потребление.
- ²⁶ В разработанных Энгельсом в XIX в. Принципах коммунизма о распаде традиционной семьи речь идет дословно, что и было воплощено в начале XX в., в том числе после революции и в СССР, в коммунистическом «половом общежитии». Думается, что это вульгарная форма понимания эволюции семьи и говорить надо не о семье в обыденном понимании, а об «отмирании» государства как формы «семьи» капиталистической общественно-экономической формации. Такое восприятие социального института семьи в рамках нынешней субкультуры социологического мышления затруднительно, но восприятие государства как современной формы социального института семьи обосновано логикой цивилизационного развития (см.: Предисловие в книге автора «Социология политики», где научное определение политики приведено как взаимоотношение полов).
- ²⁷ Автор в выборе категории «некрофилия» исходит из разделяемой им позиции Гегеля, согласно которой все овеществленные объекты цивилизации (культуры) есть омерщвление духовности, т.е. «трупы» деятельности человека и в этом случае использование омерщвленной интеллектуальной продукции прошлых форм цивилизации в целях воспроизводства собственной жизни эквивалентно некрофилии. Речь идет об «интеллектуальной некрофилии», в отличие от господствовавшей в Древнем Египте «физической некрофилии».
- ²⁸ При этом проституция с позиции науки не является девиацией, – это одна из древних форм эквивалентного гендерного «производственного» обмена, о чем писал Маркс.
- ²⁹ Звучит немного непривычно, но достаточно сослаться на «прогрессивные революции», «отечественные войны» и т.д.
- ³⁰ На тот факт, что основным генератором цивилизации (для каждой ее формы) является один, на данный исторический момент генетически доминантный этнос, указывал еще Гегель.
- ³¹ В плане эволюции истории линия L символизирует феодальную общественно-экономическую формацию, которая выступает кульминационным моментом полного превращения человека-индивида в человека-личность за счет становления всеобщим иррационального мышления. Это та историческая ступень, когда индивид «прозревает» осознавая свою индивидуальность как личность, выделив и противопоставив себя природе как персонифицированному божеству (поэтому господствующее на данной стадии цивилизации религиозное сознание следует рассматривать как первичную форму экологического сознания). На этом принципе строится гегелевская триадная модель цивилизаций.
- ³² В эмпирическом плане такую модель типологии личности реализовала в начале 1960-х годов известный венгерский социолог Агнеш Лошонци в социологическом исследовании образа жизни различных социальных слоев общества, доведя модель до капиталистической формации.
- ³³ Отметим, что Гегель отождествлял науку с диалектической логикой, что следует признать правомерным (см.: Г.В.Ф. Гегель. Наука логики. СПб.: «Наука», 2002).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 См.: Предмет и структура социологической науки. «Круглый стол» журнала «Социологические исследования» // Социологические исследования, 1981, № 1.
- 2 См.: Фейерабенд П. Против метода. Очерки анархистской теории познания. М.: Хранитель, 2007; Поппер К. Логика научного исследования. М.: Астрель, 2010; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
- 3 См.: Зигмунд Фрейд. Тотем и табу. СПб.: «Азбука-Классика», 2010.
- 4 Э. Дюркгейм. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- 5 См.: А. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис Пресс, 2003; С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. М.: «Изд-во АСТ», 2003.